

НОТА УТОПИИ

Книга первая

"Чтобы начать с того, в чем Мор тебе вовсе не знаком: ростом и с виду он невысок, однако нельзя сказать, что он низкий; сложение столь соразмерно, что лучшего нечего желать. Кожа у него белая, лицо скорее яркое, чем бледное, хотя и безо всякой красноты, разве только просвечивает очень тонкий румянец. Волосы темно-золотистые или, если хочешь, золотисто-темные; борода негустая, глаза серо-голубые с какими-то крапинками; это обыкновенно означает весьма счастливый характер. Британцы даже считают такие глаза красивыми, хотя у нас больше любят черные. Британцы говорят, что глаза такого цвета более других свидетельствуют об отсутствии пороков. Лицо Мора отвечает характеру, всегда выражая милую и дружескую приветливость, и нередко готово улыбнуться. Сказать по правде, Мор более склонен к веселости, чем к важности и представительности, хотя он очень далек от всякого вздора и шутовства".

Эразм Роттердамский.

Сон Василисы Премудрой

Василисушка сном забылася,
Все кручинушки позабылися.
А во сне пришел на свидание
Раскрасавец - молодец! С ним послание!
Улыбнулся он деде юной
И расправил свой свиток чудный,
Полыхнувший огнем и сиянием.
Родилось в том потоке название.
- Не ломай ты головушку юную,
Дай "седьмой" ты название струнное.
Пусть польется мелодия дивная,
Зазывая в былое, старинное.
И пойдут по ней души стремительно
В мир познания и открытия.
Назови книгу "Нотой Утопии"
И прославь братца в новой теории.
Воскреси пыл фантазии струнами,
Оживи и подай, чтобы думали.
Пусть умы вновь с "Утопией" встретятся,
Разберутся и правдой засветятся.
Пригласи их с собой в путешествие.
Все увидев, поверят в Пришествие!
Неожиданно сон прерывается.
Василисушка удивляется!
Стоит молодец, будто сон идет,
И, смеясь, разговор ведет:
- Просыпайся, сестричка любимая!
Сон всего лишь видение зримое!
Нам же труд предстоит небывалый,
Пробудить и зажечь народ бравый.
Написал я "Утопию" милую
И не ведал кручину постылую.
Как несбыточной сказкой явилася,
Искра Истины испарилася.
Я пришел к тебе, сестрица моя,
Попросить тебя - Воскреси меня.
Ты Утопию покажи, любя,
И зажги огонь в мире Бытия!
- Томас Мор стоит предо мной, смеясь?
Задала вопрос Василисушка.
- Я ждала тебя! За дела взялась!
Очень мне нужна твоя силушка!

НОТА УТОПИИ

*Время мигает как стрела.
Нам за ним угнаться трудно.
Но законом Бытия
И оно для нас доступно!*

Оиула открыла глаза. Звуки радостной мелодии пробудили девушку. Свирель заливается нежным смехом стремительного ручейка.

Огляделась, прислушалась. Кто исполняет эту чудную песенку? Но окончательно проснувшись, поняла, что песня эта звучит в ее голове и пришла она из удивительного сна.

Улыбнулась Оиула этой ласковой мелодии и захотелось ей послать привет таинственному музыканту. Нежданно родились стихи:

Звуком радостной песни пробудил ото сна.
Зазвучала свирелью, вторя песне, душа.
Ты, неведомый милый, так зовущий к любви
Пробуди эти силы у великой страны.

Пусть народ их услышит нотой чистой души.
Пробуди их свирелью, за собой уведи!

Покажи мир прекрасных, величавых высот.
Расскажи, как счастливо обитает народ.
Пусть увидят глазами и услышат они.
Позови в мир Отца! Покажи мир любви!

Оиула засмеялась! Волшебная мелодия заставила заговорить стихами. И это оказалось легко. Какой же силой обладает музыка? Сказанное слово может сразить человека насмерть - это известно всем. Но заставить писать стихи простым словом - "пиши" невозможно. Какая гармония сложных

энергетических пучков заставляет вдруг пробуждаться всем скрытым способностям человека. Как легко она управляет человеком, возбуждая силы добра.

Вдруг лицо девушки нахмурилось. Мелодия, несущая свет, зовёт к творчеству. А мелодия, идущая от зла? Если и в ней такая же сила?

- Дочка, у тебя опять вопрос? И не простой. Сила мелодии практически безгранична, ей подвластно все бытие. Мы рассмотрим этот вопрос позже. Сейчас нам предстоит новое знакомство.

- У нас в гостях будет Томас Мор? Да? Мне снился сон.

- Гость и его произведение - "Утопия". Пришло время принести достойные почести великим мыслителям планеты. " Утопия" Томаса Мора принимается твоим миром как красивая сказка, в то время как в ней дано подробное описание параллельных миров: таких, как мир зла - обитающий в недрах планеты, и мир света - расположенный в структуре Звезды. Как они влияют на жизнь человека, и рассказывает "Утопия". Будь готова, тебя ждёт новое путешествие.

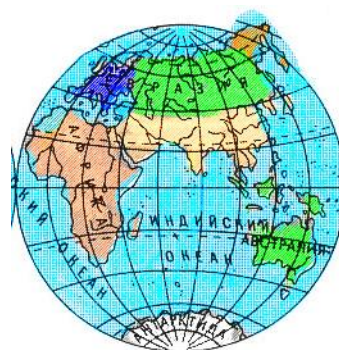
Диалог с отцом закончился. Оиула улыбнулась: Что ждёт ее сегодня?

Ожидая отца, Оиула присела к столу и раскрыла книгу. Задумчиво улыбнувшись, начала читать:

Томас Мор

" УТОПИЯ "

КНИГА ПЕРВАЯ

"Первая книга беседы, которую вел Рафаэль Гитлодей - человек выдающийся, о наилучшем устройстве государства, в передаче Томаса Мора - человека известного, гражданина и шерифа славного британского города Лондона...

... Однажды я присутствовал на богослужении в храме Девы Марии, красивейшем в городе; туда ходит весьма много народа.

Когда месса закончилась, и я собирался воротиться в гостиницу, то случайно увидел, как Петр беседует с неким чужестранцем преклонного возраста, с загорелым лицом, большой бородой, с плащом, небрежно свисающим с плеча; по лицу и одежде мне показалось, что он моряк. Петр, как только он меня заметил, подходит ко мне и здоровается. Хочу ответить, а он отводит меня немного и говорит: "Видишь этого человека?" (и тут же показал на того, с кем, как я видел, он беседовал). "Я,- говорит, собирался как раз вести его отсюда к тебе". Я сказал: "Если бы он пришел, мне это было бы очень приятно - ради тебя". "Нет, - говорит он, - если бы ты знал этого человека, то - ради него. Ибо нет теперь никого среди всех смертных, кто мог бы рассказать столько историй о неведомых людях и землях. Я знаю, как жаден ты слушать такие вещи".

"Значит, - говорю, - я хорошо угадал. Оттого что с первого взгляда сразу я понял, что этот человек - моряк". Но Петр сказал: "Ты сильнеешим образом ошибся: он плавал, но не как Палинур, а как Улисс; вернее же, как Платон. Ведь это, разумеется, Рафаэль, прозванный Гитлодеем, - и латыни учен, и греческому он весьма обучен. В греческом он умудрен более чем в римском, оттого что целиком посвятил себя философии, а в этом деле, как узнал он, по-латыни ничего нет сколько-нибудь важного, кроме кое-чего у Сенеки и Цицерона. Оставив братьям отцовское имущество, которое было у него дома (сам он ведь родом из Лузитании), из желания посмотреть на мир он присоединился к Америго Веспуччи и в трех последних странствиях из тех четырех, про которые уже повсюду читают, был его постоянным спутником, вот только во время последнего странствия не вернулся с ним. Ибо он очень хотел быть в числе тех двадцати четырех человек, которых оставили в

крепости у цели последнего плавания - и, действительно, добился этого Америго... ..Когда Петр рассказал это, я поблагодарил его за то, что он был столь ко мне услужлив и так хотел, чтобы я наслаждался беседой с этим человеком, надеясь, что разговор с ним будет мне приятен.

Поворачиваюсь к Рафаэлю. Тут, после того как мы обменялись приветствиями и сказали те общепринятые слова, которые обычно говорят при первой встрече незнакомцы, отправляемся мы потом ко мне домой и там, сидя в саду на скамье, покрытой зеленым дерном, разговариваем...".

Оиула зачиталась и не заметила появления Оида и Тау. Помедлив, Оид окликнул: - Оиула, корабль ждет нас.

- Я готова. Ожидая, начала читать. И у меня опять много вопросов!

- Вот и прекрасно. Но вопросы ты будешь задавать автору.

Подошел Тау и взял сестру за руку. Сделав шаг, они оказались в просторном салоне корабля. Все искрилось белизной. Четыре удобных кресла, расположенные уютной полусферой, ожидали путешественников.

Белый вихрь, вырвавшийся с середины салона, заскользил, неся в своих потоках мелодичный веселый напев и благоухание ароматов.

Обдав своим волшебным потоком всех находящихся в салоне, он вернулся в центр и, раскрывшись бурным фонтаном, исчез.

Оиула оделась в наряд небесной путешественницы, трансформируясь в энергетическое тело. Шаловливый вихрь нарядил всех в белые легкие хитоны.

На месте же фонтана появился красивый юноша. Он улыбался, глядя на Оиулу. Быстрым движением, подобным дуновению ветерка, приблизился к девушке и, смеясь, подал ей сразу обе руки: - Здравствуй, сестричка, ты меня узнала? Я приходил в твоём сне.

Оиула растерянно смотрела на золотоволосого смеющегося юношу. Он так неожиданно появился в потоке вихря и фонтана в звучании чарующей мелодии и благоухании. Эмоциональный всплеск заморозил юную красавицу. Она смотрела и ничего не могла сказать. Но вот, шаловливый огонек пробежал в ее широко открытых глазах, и она залилась звонким смехом. Девичий смех, подобный нежному журчанию ручейка, вызвал новый вихревой поток, который закружил в танце молодых людей, взявшихся за руки.

Оид и Тау тоже смеялись, глядя на проделки Оиулы.

- Если ей дать волю, мы ее не поймем, - смеясь, произнес Тау.

- Поэтому я и не выпускаю эту "птичку", - отвечал Оид. Он смотрел на свою дочь и юного гостя, и радостью наполнялась душа мудрого Оида. Мысли его уходили далеко ввысь. Там - Любовь, Мудрость, Величие! Там - Господь! Как прекрасен мир в Его Доме! Как радуется душа, живущая в высотах Света! Его мудростью идет подготовка во всей Вселенной к великому Пирю в Доме Господнем. На этот Пир нужно созвать всех детей Божьих. Каждая душа должна услышать приглашение. Зло же старается

закрыть уши и глаза жителям планеты завесой злобы, ненависти и раздора. Идет битва за души. Оид хитро улыбнулся. Злоба уничтожит себя. Так было и так будет всегда! Торжествовать будут любовь, вечная молодость и этот дивный смех юных жителей Вселенной. Да будет так!

Рабочий настрой Оида, как команда, пригласил детей занять места. Кресла, стоящие полукругом, создавали уютную обстановку для беседы.

Оид заговорил:

- У нас в гостях Томас Мор и его удивительная книга " Утопия". Пришло время открыть дорогу этой мудрости в сердца и души народа планеты Земля. Милая моя девочка, ты уже знаешь, что вся информация, идущая от структуры Высшего разума, обязательно проходит через разум человека планеты. Этот человек, подобно переводчику, принимает и усваивает все по образу мышления и развития на данный момент. Ты получила уже очень большой объем Знаний. Идут они в строгом порядке учета способности восприятия. Подошел момент или очередь понять смысл и предназначение " Утопии". Дочка, ты уже прочла книгу, попробуй дать картину твоего анализа.

- Да, папочка, это сложно! Первая книга рисует картину жизни народа на планете и не только на нашей. Делается оговорка о разных землях. Все недостатки у строя жизни обнаруживаются из-за наличия частной собственности. У одних развивается жадность, для других эта жадность оборачивается нищетой. Сосуществуют два мира: мир добра и разума и мир злобы и стяжательства. Приведен пример, как должны быть наказаны злодеи и воры. Я поняла, что это шло описание ада. Верно это или нет, позже станет ясно. Вторая книга дает очень интересное описание жизни астрального мира и влияние его на жизнь народа планет. Все это полностью соответствует Знаниям, полученным ранее, дополняет и раскрашивает их. Я с нетерпением жду работы с этой книгой. Милый братец Томас, покажи мне удивительные миры, описанные в "Утопии".

Движением головы Оид дал знак Морю начинать.

Юноша встал с кресла и вышел на середину. Мило улыбнувшись, своей юной ученице, он пояснил:

- Я вызываю экран. Одна часть экрана будет воспроизводить чтение книги, а вторая - правая, показывать необходимые эпизоды происходящих процессов или сцен из жизни. Чтение книги будет идти на уровне сканирования. В зонах рождения вопроса будет остановка, и я буду давать пояснение или необходимое изображение.

Оиула хихикнула: - Её, наверное, придется экранизировать. Так будет быстрее. Томас, я могу задать первый вопрос?

- Я жду, милая.

- Твой герой книги Рафаэль, прозванный Гитлодеем: "он плавал, но не как Палинур, а как Улисс, вернее же - как Платон". Но великий Платон путешествовал во Вселенной силой своего разума. Я думаю, что рассказчик

Рафаэль - твой астральный двойник, а Петр - твой ведущий и друг в мире вечности, так? Объясни, пожалуйста.

Мор улыбался, глядя на сестру.

- Ты права, моя милая. Тебе легко сейчас все понять. Знания, которыми ты владеешь, дают возможность и твоему разуму отправляться в путь по этому маршруту. Тебе, как никому другому, ясно, что, будучи последователем и учеником великого Платона, я смог постичь его философию только тогда, когда появилась способность путешествовать по его маршруту. Это достигается трудом души, разума и великим усердием. И, конечно же, это Божий Дар. Книга вышла в 1516 году. Как я мог объявить о своем даре, как рассказать то, чем жила моя душа?

Кроме того ты прекрасно знаешь, как изливается этот Дар в мир людей. На всем пути ведет Господь. Книга писалась для твоего времени. Забытая утопическая сказка возродится, неся Истину.

- Томас, я не знаю, могу ли я спросить о том, что меня очень волнует? Почему Господь не защитил тебя от страшной и преждевременной смерти?

- Во второй книге есть ответ на этот вопрос. И я подтверждаю, что это была Божья милость. Исполнив свое предназначение на Земле, я ушел в мир, куда стремилась моя душа, ушел от плача и боли. У тебя все вопросы? Тогда начнем работу с книгой с того места, где ты остановилась.

"Он, значит, нам рассказал, что, после того как Веспуччи уехал, он сам и его друзья, оставшиеся в крепости, начали понемногу располагать к себе жителей той земли встречами и ласковыми словами. И они уже не только жили у них в безопасности, но и стали их друзьями; тогда же они заслужили приязнь и милость их правителя (название страны и его имя я запомнил). Благодаря его щедрости - рассказывал Рафаэль - сам он и пятеро его спутников получили вдоволь провианта и денег на дорогу, а также надежнейшего проводника (оттого что по воде продвигались они на плотах, а по земле - на повозке), дабы вел он их к другим правителям, к которым они шли с дружескими поручительствами. Рафаэль говорил, что после многодневного пути он нашел города, столицы и весьма неплохо устроенные государства с большим населением".

- Томас, здесь речь идет о путешествии в звездных системах. Как точно описана ниже по тексту середина каждой звездной системы. Она названа линией экватора. Все названия так же, как и в Библии, даются в подобии с нашей планетой. Только в сравнении со знакомыми процессами или предметами можно объяснить человеку о далеком космосе и загадочных мирах. Именно поэтому и Священное писание постоянно прибегает к описанию притчей.

"Линия экватора" или зона астероидного пояса, делит каждую звездную систему на две части - зону жизни и зону смерти. Астероидный пояс несет в своих потоках осколки разрушенной жизни.

Прилегающие планеты - Марс и Юпитер в своем теле содержат злобный ад, на них нет жизненных структур. И только продвигаясь вглубь по обе стороны, путешественники видят новые миры. Вот как они описаны:

"И правда, возле линии экватора, здесь и там по обе стороны почти что на всем пространстве, которое охватывает солнечный круг, лежат безлюдные пустыни, высохшие от постоянной жары. Всюду грязь, вещи, вызывающие своим видом печаль, все сурово и не возделано, повсюду живут дикие звери и змеи, наконец, люди, одичавшие не менее чудовищ и не менее их вредоносные. Впрочем, когда продвинешься дальше, то понемногу все смягчается.

Погода менее сурова, почва от зелени приятнее, нрав живых существ - спокойнее. Наконец, появляются народы, столицы, города, в которых постоянно торгуют не только между собою или соседями, но также с племенами, расположенными далеко, добираясь туда по суше и по морю.

У Рафаэля была возможность осмотреть тут и там многие земли, потому что не только его, но и спутников его охотнейшим образом допускали на любой корабль, который снаряжали в какой угодно путь. Он рассказывал, что корабли, которые они видели в первых странах, были весьма хороши. На них натягивали паруса из сшитого папируса или из прутьев, а в других местах - из кож. Потом же они находили корабли с заостренными днищами и холщовыми парусами. Наконец, подобные нашим. Моряки были весьма неплохо знакомы с морем и погодой.

Однако он рассказывал, что снискал у них великую благодарность, научив их пользоваться магнитом, о котором они прежде ничего не знали. Поэтому они робко привыкали к морю и не случайно доверялись ему только летом. Ныне же, веря в этот камень, не боятся они зимы, но более от беспечности, чем от защищенности. И можно опасаться, как бы та вещь, о которой они думали, что она им дана на великое благо, не стала по их неразумию причиной великого зла.

Он рассказывал, что и в каком месте он видел, излагать это и долго, и не подходит к этому сочинению; может быть, мы расскажем об этом в ином месте. Особенно полезно будет не пропустить, прежде всего, те дела, разумные и верные, которые он замечал где-либо у народов, живущих вместе, как это подобает гражданам. Об этом и мы расспрашивали его надежнейшим образом, и сам он рассуждал охотнейшим образом; расспросы о чудовищах мы пока оставили, так как в этом мало нового. Ибо где только не найдешь ты хищных Сцилл, Келен, народопожирателей Лестригонов и подобных им громадных чудовищ, но граждан с мудрыми устоями жизни ты, конечно, не везде найдешь.

Впрочем, он как отметил у этих новых народов многие превратные положения, так и перечислил немало таких, с которых можно было бы взять примеры, пригодные для исправления ошибок наших городов, народов, племен и царств. Об этом, как я сказал, надобно мне будет вспомнить в другом месте...".

- Вот слова, которые подтверждают, что Гитлодей путешествовал не по планете Земля, а в мирах Вселенной, - заметил Томас.

..."Теперь я намерен передать только то, что он рассказывал о нравах и установлениях утопийцев, предварив это, однако, той беседой, которая была как бы некоей нитью, приведшей к упоминанию об этом государстве.

Ибо, когда Рафаэль рассудительнейшим образом называл одни или другие ошибки, весьма многочисленные и здесь, и там, а затем то, что определенно мудрее у нас или же у них, то излагал он нравы и установления каждого народа так, что казалось, будто, в каком бы месте он ни находился, он прожил там всю жизнь.

Петр, восхитившись им, сказал: "Меня, конечно, удивляет, милый Рафаэль, почему не присоединиться тебе к какому-нибудь королю. Я полностью уверен, что среди них нет ни одного, кому бы не оказался ты весьма приятен, ибо ведь как своей ученостью, так и своим знанием мест и людей ты бы мог не только усладить их, но и быть им полезен, приводя примеры и помогая советом".

"В то же время таким способом ты прекрасно устроил бы свои дела и смог бы оказаться великим подспорьем и помощью для всех твоих близких".

"Что касается моих близких, - сказал он, - то ими я не слишком озабочен, ибо думаю, что посильно уже выполнил свой долг по отношению к ним. Потому что иные отступаются от имущества разве что в старости и болезни, да и то не по своей охоте, а из-за того, что не могут более удерживать его; я же распределил все среди родных и друзей, будучи еще не только здоровым и крепким, но и молодым. Полагаю, что они должны быть довольны этой моей милостью и не станут, кроме этого, требовать и дожидаться, чтобы я еще раз ради них отдал себя в слуги королям".

"Хорошие слова сказал Петр. - Только мне казалось, что не в слуги, а для услуг". Тот сказал, что в этом слове всего на один слог больше.

"А я считаю так, - сказал Петр, - как бы ты ни называл это дело, но как раз с его-то помощью ты не только мог бы оказаться полезен отдельным людям или же обществу, но и мог бы восстановить свое собственное лучшее положение".

Рафаэль сказал: "Станет ли оно лучше с помощью того, от чего отвращается дух мой? Ведь ныне я так живу, как хочу, и почти уверен, что весьма немногим порфиноносцам это удастся. Разве недостаточно таких, которые стараются обрести дружбу с владыками? Ты думаешь, что

произойдет большая беда, если они лишатся меня или кого-нибудь иного, мне подобного?"

Тогда я говорю: "Дорогой Рафаэль, ясно, что ты не жаден ни до богатства, ни до власти, и человека твоего образа мыслей я, разумеется, чту и уважаю не менее, чем кого-нибудь из обладателей высшей власти. Впрочем, кажется, что ты, конечно, исполнишь дело, достойное твоего ума, действительно столь благородного, сколь и философского, если даже ценой некоторого личного неудобства направишь свой природный ум и усердие на благо общему удобству. Оттого, что если не станешь ты советником какого-либо великого правителя, то никогда не сможешь с такой пользой побудить его к правде и честности (а я уверен, что ты намерен это делать). Ибо от правителя, как из какого-нибудь неиссякаемого источника, распространяется на весь народ все доброе и злое. Ты обладаешь весьма совершенной ученостью, однако, даже и без большого житейского опыта, безо всякой учености, при таком знании дел ты стал бы выдающимся советником у любого короля".

"Дорогой Мор, - сказал он, - ты совершаешь двойную ошибку: во-первых, в отношении меня, во-вторых, по сути дела. Ибо нет во мне способности, которой ты меня наделяешь, а если даже она и была бы, то, заменив свое бездействие на действие, я ничуть не продвинул бы государство вперед. Во-первых, ведь все короли большей частью охотнее занимаются военными делами, в которых у меня нет опыта, чем благими мирными вещами; гораздо более пекутся они о том, как бы правдами и неправдами приобрести себе новые царства, чем о том, как достойно управиться с приобретенными. Кроме того, среди советников королей нет никого, кто был бы действительно столь умен, чтобы не нуждаться в совете другого, и нет такого, кто не кажется себе столь умным, что ему нет надобности одобрять другого. Кроме разве только, когда они соглашаются с какими-нибудь наинелепейшими высказываниями, подлаживаются к тем, которые пребывают в наибольшей милости у правителя, и стремятся согласием своим получить их расположение.

И, конечно, природой устроено так, что каждый обольщается своими делами. Так, ворон рад своему птенцу, и обезьяне мил ее детеныш.

Поэтому, если кто-нибудь в компании людей, завидующих чужому или же предпочитающих свое, назовет нечто, вычитанное им из рассказа о прошлых временах или замеченное в других странах, то слушающие поступают так, будто все представление об их мудрости находится в опасности, и после этого прослывят они все дураками, если только не удастся им выдумать чего-нибудь, что обратят они во зло чужой выдумке.

Если прочим они и пренебрегут, то прибегают к следующему: это, говорят, нравилось предкам, с которыми мы хотели бы сравняться в мудрости. Затем, сказав это, они успокаиваются, как бы заключив все

наилучшим образом. Словно весьма опасно будет, если кто-либо в чем-либо окажется умнее своих предков.

Однако всему, что они с легкостью постановили, мы дозволяем процветать, сохраняя полнейшее наше спокойствие. Если же в каком-нибудь деле можно посоветовать нечто более разумное, мы тотчас жадно, закусив удила, хватаемся за этот довод. С такими чванливыми, нелепыми и сумасбродными суждениями я часто сталкивался в других местах, а один раз также и в Англии".

- У нас нет королей, но стоящие у власти ведут себя точно так, - грустно произнесла Оиула, продолжая чтение:

"Умоляю тебя, - говорю я, - ты был у нас?" - "Был, - говорит, - жил там несколько месяцев, немного позднее поражения, которое потерпели западные англичане в гражданской войне против короля, закончившейся безжалостным их разгромом. За это время я премного обязан был досточтимому Иоанну Мортону, архиепископу Кентерберийскому и кардиналу, а тогда также еще и канцлеру Англии.

Муж этот, мой Петр (ибо Мору известно то, о чем я намерен рассказать), достоин был почтения не более из-за влияния своей, чем из-за рассудительности и добродетели. Роста он был среднего и не казался ниже из-за своего преклонного возраста. Вид его внушал уважение - не страх. В обращении не тяжел, но серьезен и достоин. Иногда у него бывало желание обойтись с просителями более сурово, однако, не во вред им, но чтобы испытать, какой нрав, какая сила духа присуща каждому; их мужество, а не бесстыдство было ему знакомо по себе самому и радовало его; он считал это свойство приличествующим для ведения дел. Речь его была гладкая и действенная. Юриспруденцию знал великолепно, ума несравненного, память на удивление замечательная. Эти выдающиеся природные свойства он усовершенствовал учением и упражнением.

Король полностью доверял его советам. Когда я там был, казалось, что и государство весьма на них опиралось. Ибо ведь с ранней почти юности, прямо из школы, оказался он при дворе, всю жизнь провел в весьма важных делах и, постоянно подвергаясь разнообразным приливам судьбы, среди многих и великих опасностей научился понимать дело (понимание, так обретенное, не скоро исчезает).

Верь

По счастливой случайности, когда однажды был я за его столом, присутствовал там также некий мирянин, знаток ваших законов. Не знаю, какой нашелся для него повод, но он стал обстоятельно хвалить то суровое правосудие, которое применялось тогда нами по отношению к ворам,

которых, рассказывал он, повсеместно вешали иногда по двадцати на одной виселице. И он говорил, что, хотя ускользает от казни очень малое число воров, его удивляет, что по какому-то злому року повсюду, однако же, существует много разбойников. Тогда я, осмелившись говорить свободно при кардинале, говорю: "Нечего тебе удивляться. Ибо такое наказание воров находится за пределами справедливости и не полезно обществу. Для защиты от воровства оно чрезмерно сурово и недостаточно для его обуздания. Ибо простая кража - не такой огромный проступок, чтобы за него карать смертью; ни одно наказание не является столь сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого иного способа отыскать себе пропитание.

Поэтому здесь не только вы, но большая часть людей, живущих в этом мире, кажется, подражаете дурным наставникам, которые охотнее колотят учеников, чем их учат. Ведь укравшего осуждают на весьма тяжелые и ужасные мучения, в то время как гораздо более следовало бы позаботиться, чтобы каждый был удачлив в жизни, чтобы ни у кого не было столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать".

Он говорит: "Об этом достаточно позаботились: есть ремесло, есть земледелие, ими можно поддержать жизнь, если только люди не предпочтут сами быть дурными".

Я говорю: "Нет, ты от этого не уйдешь! Ибо сперва оставим тех, которые часто возвращаются домой изувеченными с войн, внешних или гражданских, вроде того, как недавно у вас после Корнуэльльского сражения и немного ранее - после Галльского. Они лишаются частей своего тела ради государства или ради короля; немощь не позволяет им заниматься прежними делами, а возраст - изучить новые.

Их, - говорю я, - оставим, потому что войны происходят через определенные промежутки времени. Посмотрим на то, что бывает всякий день. Итак, существует большое число знатных, которые не только сами живут в праздности, будто трутни, трудами других, например держателей своих земель, которых для увеличения доходов они отскабливают до живого. Ибо только так понимают хозяйственность эти люди, в иных случаях расточительные до обнищания; они также окружают себя огромной толпой праздных слуг, которые никогда не выучились никакому способу сыскать себе пропитание. Когда же их господин умирает или же когда они сами заболевают, их тотчас вышвыривают. Ибо и праздных кормят охотнее, чем больных; и часто наследник умершего не в состоянии прокормить отцовскую челядь. Меж тем они отважно голодают, если только они не разбойничают отважно. Ибо что им делать? После того как, бродяжничая, изотрут они понемногу одежду да изотрутся сами, их, измученных к тому же болезнью, одетых в лохмотья, ни благородные не удостоят принять, ни крестьяне не осмелятся. Они хорошо знают, что тот, кто воспитан среди роскоши, в праздности и веселии, привык к щиту и шпаге, надменно смотрит

на соседей и презирает всех по сравнению с собой; такой человек нисколько не будет пригоден к тому, чтобы с мотыгой и лопатой за малую плату и скудную пищу служить бедняку".

На это он сказал: "И нам в первую очередь надобно пригревать как раз людей такого рода: ведь если разразится война, то в них, как в людях возвышенной и благородной души, более чем в ремесленниках и земледельцах, заключается сила и крепость войска".

"Конечно, - говорю я, - так же можно тебе сказать, что ради войны надо пригревать воров, от которых, несомненно, никогда вы не избавитесь, пока будут у вас эти люди. Почему разбойники не могут быть дельными солдатами, а солдаты - презреннейшими из разбойников? Между этими занятиями есть много сходства. Однако этот порок, частый у вас, присущ не одним вам. Ведь он - общий почти у всех народов. Ибо Галлию разоряет, кроме того, еще более пагубная гибель: вся страна, даже в мирное время, если это можно назвать миром, оплетена и осаждена наемными солдатами, введенными по тому же убеждению, по которому вы полагали, что надобно кормить здесь праздных слуг. Потому что глупому показалось, что общественное благо состоит в том, чтобы всегда наготове был сильный и крепкий гарнизон, главным образом из ветеранов. Ведь они нисколько не доверяют новобранцам. И поэтому им надобно искать повод для войны, чтобы не было у них неопытных солдат и людей, не готовых резать безвозмездно, дабы, как шутливо заметил Саллюстий, рука и дух не цепенели в бездействии.

Сколь пагубно кормить такого рода чудовищ, Галлия узнала по своей собственной беде. Примеры римлян, карфагенян, сирийцев и весьма многих народов свидетельствуют о том же. У всех у них в разных местах и по разным поводам постоянные войска уничтожили не только их высшую власть, но даже и поля, и самые столицы. Насколько же в действительности нет в том необходимости, явствует хотя бы из того, что даже галльские солдаты, с молодых ногтей наилучшим образом закаленные в боях, столкнувшись с вашими добровольцами, не очень-то часто хвастаются, что они одержали верх. Я не скажу ничего более, дабы присутствующим не показалось, что я к вам подлачиваюсь. Однако не верится, чтобы праздные господские слуги чрезмерно устрашали этих вот ваших городских ремесленников или даже грубых деревенских земледельцев, за исключением только разве тех из них, которые по сложению своему не слишком похожи на сильных и отважных, или же тех, у которых бедность сломила силу духа. Поэтому нет никакой опасности в том, что люди крепкого и сильного сложения (ибо высокородные удостаивают порчей только отборных), ныне изнемогающие от праздности или ослабевающие в занятиях чуть ли не женских, выучившись добрым делам, надобным для жизни, поднаторев в мужских трудах, уподобятся женщинам. Во всяком случае, однако, мне ничуть не кажется, что государству полезно на случай

войны, которой никогда у вас не будет, если вы этого не захотите, кормить нескончаемое множество такого рода людей, которые угрожают миру, о котором надобно печься гораздо более, нежели о войне.

Однако это не единственная причина, делающая воровство необходимым. Есть другая, насколько я понимаю, вам более свойственная". "Какая же это?" - сказал кардинал. Я говорю: "Ваши овцы. Обычно такие тихие, питающиеся так скудно, ныне, как говорят, стали они такими прожорливыми и неукротимыми, что пожирают даже людей, опустошают и разоряют поля, дома, города. Как раз в тех частях королевства, где производится более тонкая и поэтому более ценная шерсть, там знатные и благородные господа, даже некоторые аббаты, святые мужи, недовольны теми ежегодными доходами и прибылью, которые обычно получали от владений их предшественники. Им недостаточно того, что, живя в праздности и богатстве, они нисколько не полезны обществу, если только не вредны ему. Для пашни они ничего не оставляют, все занимают пастбищем, ломают дома, разрушают города, оставляя лишь только храм под овечий хлев. И - словно мало земли губят у вас лесные выгоны и заповедники для дичи - эти добрые люди обращают в пустыню вдобавок еще и все живое, все, что только было возделано.

Следовательно, держателей вышвыривают оттого, что один ненасытный обжора, жестокая чума в отечестве, распространив поля - окружает несколько тысяч югеров единым забором. Некоторые из них, опутанные обманом или же подавленные силой, измученные неправдой, лишаются собственности и вынуждены продавать ее. Поэтому в любом случае несчастные переселяются: мужчины, женщины, мужья, жены, сироты, вдовы, родители с малыми детьми, более многочисленная, чем богатая челядь, - оттого что в деревенской жизни надобно много рук.

Я говорю, переселяются они из знакомых и привычных родных домов и не ведают, куда им деваться.

Всю недорогую утварь, даже если бы и можно было найти покупателя, продают они по дешевке, оттого что им надобно ее сбыть. Когда же в бродяжничестве своем вскоре они все это растратят, что иное остается им, наконец, как ни воровать и ни оказаться по заслугам на виселице; в противном случае они должны скитаться и просить милостыню.

Хотя и здесь бросают их в тюрьму как бродяг, оттого что праздные слоняются они повсюду - ведь никто не нанимает их труд, сколь горячо они его ни предлагают. Ибо деревенской работе, к которой они привыкли, нет места там, где ничего не сеют. Ведь достаточно одного овчара или пастуха,

чтобы пасти скот на той земле, для возделывания которой под посев требовалось много рук. Из-за этого случилось, что во многих местах хлеб стал гораздо дороже. Даже цена на шерсть здесь возросла так, что более бедные люди, которые обычно изготавливают из нее ткани, вовсе не могут ее покупать, и поэтому многие от дел переходят к праздности. Ибо после увеличения пастбищ нескончаемое число овец унесла язва, будто этот мор, посланный на овец, был Божией карой за жадность; хотя справедливей было бы обратить эту кару на головы самих владельцев.

Олигополия

Если даже число овец очень сильно увеличится, то цена все равно ничуть не уменьшится. Оттого что если это нельзя назвать монополией, ибо продает не один человек, то, конечно, это - олигополия. Почти все овцы попали в руки немногих, к тому же богатых людей, которым нет никакой нужды продавать их до того, как им это будет угодно, а угодно им будет не раньше, чем появится возможность продать, за сколько им будет угодно.

По той же причине прочие породы скота равно дороги и даже более, потому, что после разрушения хозяйств и упадка сельской жизни не стало тех, кто заботился бы о молодняке. Ведь те самые богачи не выращивают ни ягнят, ни телят, но, купив в другом месте задешево, они потом откармливают их на своих пастбищах и дорого перепродают.

Поэтому я полагаю также, что весь вред этого дела пока еще не чувствуется. Действительно, до сих пор они поднимают цену только в тех местах, где они продают. Однако когда станут вывозить молодняк немного быстрее, чем он способен рождаться, тогда, наконец, и там достаточный запас постепенно уменьшится и в том месте, где покупают, неизбежно появится заметная нехватка.

По этой причине ненасытная жадность немногих обратила в настоящую гибель то, из-за чего ваш остров казался особенно счастливым. Ибо эта дороговизна хлеба и есть та причина, по которой каждый отправляет из дома возможно больше людей: зачем, спрашиваю я, как не для нищеты и разбоя, к которому легче склонить высокородных?"

Оиула не смогла сдержать эмоции:

- Как однообразен мир человека. Описание идет о средних веках, но все повторяется и в наше время. Правители огромного Союза разграбили великую страну, поделив народное достояние между собой и своими родичами. Уничтожили все законы, защищающие простого труженика, и обрекли его на униженное существование в нищете и голоде.

Новые хозяева, не имеющие ни стыда, ни совести и не умеющие вести производственные дела, сняв куш в виде неоплаченной заработной платы рабочих своих производств, выдают себя банкротами. Все делается с

попустительством или намеренным злодеянием властей, которые и сами залезли по уши в грабеж народа и своей собственной страны. Вынуждают народ идти на преступления. Первые преступники - преступная власть. Суд Божий и суд народа падет на их головы. Как точно говорится дальше - что нужно делать!

Что надо сделать!

Чтение книги продолжалось:

..."К этой жалкой бедности и скудости прибавляется еще дерзкая роскошь. Ибо и у господских слуг, и у ремесленников, чуть ли даже не у самих крестьян - у всех, короче говоря, сословий много необычайного богатства в одежде и чрезмерной роскоши в еде. Трактиры, притоны, публичные дома и публичные дома в ином виде - харчевни, винные и пивные, наконец, разные бесчестные игры: кости, лото, мячи, шары, диск - разве все они не посылают своих приверженцев прямо на разбой, быстро лишив их денег?

Отбросьте эту пагубную заразу, постановите, чтобы те, которые разрушили хозяйства и селения, восстановили их или же уступили их тем, кто хочет возвести их вновь или отстроить. Обуздайте эти скупки богачей и их произвол, подобный монополии. Меньше кормите бездельников! Вернитесь к земледелию, возобновите шерстопрядение, чтобы стало оно почетным трудом, которым, с пользой занималась бы эта праздная толпа и те, которых бедность уже обратила в воров, и те, которые ныне пока еще бродяги или праздные слуги, а в будущем тоже, несомненно, воры. Конечно, если вы не излечитесь от этих бед, тщетно станете вы похваться испытанной в наказаниях за воровство законностью, на самом деле скорее броской, чем справедливой и полезной. Ибо ведь вы позволяете воспитывать людей наихудшим образом и с нежного возраста понемногу портите нравы, полагая, что они достойны наказания только тогда, когда, наконец, взрослые мужи совершат те преступления, которых надобно было постоянно ждать от них с детства. Спрашиваю я, делаете ли вы что-нибудь иное, кроме того, что сами создаете воров и караете их?"

Когда я это говорил, тот самый знаток права подготовился отвечать и решил воспользоваться тем обычным способом рассуждения, когда усерднее повторяют сказанное, чем отвечают; при этом видят свою заслугу главным образом в хорошей памяти.

"Ты, конечно, говорил красиво, - сказал он, - потому что ты, по-видимому, чужестранец; узнать что-либо досконально, это я покажу с помощью нескольких слов. Давай-ка я сперва перечислю по порядку то, что ты сказал, потом покажу, в чем у тебя заключается незнание наших дел, и,

наконец, расшатаю и разобью все твои доводы. Значит, чтобы начать мне, как я пообещал, с первого: "Мне показалось, что в четырех ..."

"Молчи, - сказал кардинал, - при таком начале, кажется, ты намерен употребить больше, чем несколько слов. Поэтому мы освободим тебя сейчас от этого тяжелого ответа, однако, намерены сохранить за тобой ответ во время ближайшей нашей встречи, каковую я хотел бы назначить на завтра, если ничто не помешает ни тебе, ни Рафаэлю. Меж тем, однако, мой Рафаэль, я весьма охотно услышал бы от тебя, почему ты полагаешь, что воровство не надобно карать высшей мерой, и какую иную кару, более подходящую для общества, ты бы сам установил. Ибо ведь и ты не думаешь, что воровство надобно терпеть. Если и ныне, несмотря на смерть, люди стремятся воровать, то какой страх испугает злодеев, когда они будут уверены, что им сохраняют жизнь: смягчение наказания они перетолкуют как некую награду и приглашение к злодеянию".

Я говорю: "Вообще, мне кажется, наидобрейший отец, что несколько несправедливо за отнятые деньги отнимать у человека жизнь. Ибо, я полагаю, ничто из того, что есть в мире, не может сравниться с человеческой жизнью. Если же скажут, что это воздаяние не за украденные деньги, а за попорченную справедливость, за нарушенные законы, то почему бы не назвать по заслугам это высшее право высшим бесправием? Ибо не следует одобрять как Манлиевы законы, по которым за малейшее неповиновение тут же обнажали меч, так и положения стоиков, полагающих, что все прегрешения настолько одинаковы, что, они думают, нет разницы в том, убил ли кто человека или же отнял у него монетку; если посмотреть хоть сколько-нибудь беспристрастно, здесь вообще нет ничего сходного или похожего. Бог запретил убивать кого бы то ни было, а мы с такой легкостью убиваем за отнятый грош. Если же кто-нибудь истолкует это так, будто это повеление Божие запрещает возможность убийства, за исключением тех случаев, когда человеческий закон объявит, что надобно убивать, то что мешает людям сойтись друг с другом на том, будто на том же условии надобно допустить разврат, прелюбодеяния и клятвопреступление? Ведь Бог отнял у человека право убивать не только другого, но и себя.

Закон – убийца.

Если же люди согласились убивать друг друга на определенных условиях, то это соглашение должно обладать силой освобождать от оков тех его приверженцев, которые безо всякой заповеди Божией губят всех, кого им велят убивать человеческие установления. Не получают ли при этом слова Божии столько права, сколько дадут его им права человеческие? И выйдет, что заповеди Божии надобно будет соблюдать лишь настолько,

насколько, как и в этом случае, пожелают определить это люди. Наконец, и закон Моисеев, хотя был он немилосерден и суров, ведь был дан рабам, и притом упрямым, этот закон карал за кражу никак не смертью, а штрафом. Не станем же мы думать, что в новом законе милосердия, в котором Отец повелевает детям своим, дал Он нам большую волю свирепствовать друг против друга.

Вот почему я полагаю, что казнь недопустима. Насколько же нелепо и пагубно для государства равно наказывать и вора, и убийцу, думаю, знает всякий. И впрямь, когда разбойник видит, что, осужденный за кражу, рискует он не меньше, чем, если, кроме этого, уличат его еще в убийстве, то одна только эта мысль побудит его зарезать того, кого в ином случае он всего лишь намерен был ограбить. Действительно, оттого что, пойманный, не окажется он в большей опасности, чем, если он зарежет, ему будет даже спокойнее, больше будет у него надежды скрыться, когда не станет на свете доказчика его преступления.

Итак, когда мы стремимся, как можно более уstrasить воров, мы подбиваем их губить добрых людей.

А на то, что обыкновенно спрашивают, какое наказание может подойти более, здесь, по-моему, ответить не намного легче, чем на вопрос, какое наказание может быть хуже. Зачем нам сомневаться в полезности того способа карать за преступления, который, мы знаем, давным-давно был у римлян, весьма хорошо умевших управлять государством? Уличенных в крупных преступлениях они присуждали работать в каменоломнях и добывать металлы и держали таких людей все время в цепях.

Мор остановил чтение: - Оиула, теперь будь внимательнее. Мы познакомились, как человек ведет свои законы и правила жизни в материальном мире. Но ваш мир вмещает в себя астральный и ментальный план. Как живут эти миры, и как взаимодействуют, рассказывается дальше на примере жизни полилеритов.

Рассказывается о наказании воров и других преступников. Но тонкий мир живет в других условиях, и основным законом для него являются заповеди, где есть и "не укради", но в кражу этого мира входит и та категория, которая, не соблюдая заповеди, начинает сотрудничать со злом и воровать уже энергетические структуры.

Попадая в ад, эти ментальные энергетические сущности распределяются по строго индивидуальным энергетическим уровням. Для каждого свое осуждение и определенная зона.

Тебе уже известно, что любящий Бога после смерти уходит в мир вечности, и там продолжается его жизнь. Как и по каким законам идет эта жизнь, мы узнаем из второй книги. Сейчас же в первой книге мы познакомимся с тем, какой суд получает грешник в аду, который расположен на этой же планете, но закрыт горами, и о нем мало кто знает, так как общение с внешним миром очень незначительное.

Я думаю, что проще будет давать на отдельные эпизоды объяснение в скобках. Давайте продолжим:

Чистилище и ад

..." Хотя, что касается этого, ни у одного народа не могу я найти устройства лучшие, чем наблюдал я и заметил во время странствия своего в Персии у так называемых полилеритов - это немалый народ, управляемый не без разумности. Он только ежегодно платит персидскому царю во всем прочем он свободен и подчиняется своим законам. Оттого, что живет он далеко от моря и почти что окружен горами, он всегда, нисколько не скупясь, довольствуется плодами своей земли, нечасто посещает других и ими нечасто посещается.

По старинному обычаю, однако, этот народ не стремится расширить свои пределы, которые легко защищены от всякой несправедливости горами, а также данью, которую он платит своему властелину. (Гравитационное поле планеты держит этот мир в пределах своего потока. Астральный мир, созидающий в недрах планеты, живет свободно и счастливо, исполняя свои обязанности. А вот ад, занимающий более низкие энергетические структуры, являются осужденными.) Полностью свободный от военной службы, живет этот народ не слишком великолепно, однако удобно, скорее, в счастье, чем в известности или во славе. Даже название его, я думаю, едва ли достаточно знакомо кому-либо, кроме соседей.

И вот у них-то и заведено, что укравшие, которых поймали, возвращают утащенное владельцу, а не правителю, как это обыкновенно бывает в других местах.

Они считают, что у правителя столько же прав на украденную вещь, сколько у самого вора. Если же вещь пропадает, то, узнав ее цену и высчитав из имущества воров, остаток они отдают полностью женам воров и их детям, а самих воров осуждают на тяжелые работы. Если краже не сопутствовала жестокость, то воров не заключают в тюрьму, они не носят кандалы, их свободно и вольно допускают к общественным работам. Уклоняющихся и исполняющих это вяло не столько мучают кандалами, сколько побуждают к труду побоями. Работающие усердно не подвергаются унижениям; только на ночь их поименно пересчитывают и запирают в камеры. За исключением постоянного труда в их жизни нет

больше никаких неудобств. Ведь кормят их неплохо: тех, которые служат обществу, - на счет общества, других - иначе. Оттого, что кое-где то, что им надобно, они собирают из пожертвований; и хотя этот способ не верный, однако, из-за того, что народ там милосерден, нельзя найти способа удачней. (Вот описано действие панихид, молитв, поминальных обедов, пожертвований во имя усопшего). В иных местах для этого устанавливают определенную подать. В некоторых местах воры не выполняют никакого труда для общества, но когда какое-нибудь частное лицо нуждается в работниках, то любого из них он может нанять на день за установленную плату, немного меньшую, чем, если бы он пожелал взять свободного человека. (Из этой среды берутся и роботы, у которых есть строго определенная задача, и они подчинены этим условиям. За исправное исполнение эти осужденные часто получают свободу, и они идут в мир вечности.) Кроме того, нерадивого раба дозволено бить кнутом.

Получается так, что рабы никогда не остаются без дела и, кроме того, чем окупается пища на каждый день, каждый из них еще вносит что-то в государственную казну. Все и каждый в отдельности одеты в платье одного и того же цвета, волосы у них не бритые, а подстрижены немного над ушами, из которых одно немного подрезывается. Разрешается, чтобы друзья давали рабам еду, питье, платье особого цвета, давать же деньги считается уголовным преступлением равно как для дающего, так и для берущего. (Сохраняется связь с внешним миром.) Человеку свободному получить по какой-либо причине от осужденного деньги не менее опасно, чем рабам (так называют осужденных) касаться оружия.

Каждая область метит своих рабов собственным знаком, уничтожить который - уголовное преступление, равно как появиться за границей или же разговаривать о чем-либо с рабом из другой области. Мысль о побеге не менее опасна, чем самый побег. Если кто знал о таком решении, то рабу за это - смерть, свободному - рабство. Доказчику, напротив, установлены награды. Свободному - деньги, рабу - свобода. Обоим же - прощение и безнаказанность за соучастие, дабы никогда не было безопаснее исполнить злой замысел, чем покаяться в нем. Таков закон и порядок в этом деле, как я сказал. (Связь с потусторонними силами наказывается, и свободный человек становится рабом. Раб, попытавшийся нарушить закон, помещается в те слои, где его будет ожидать смерть или геенна огненная. Рассмотрели же мы слой или уровень чистилища.)

Легко заметить, сколь много в них человечности и удобства.

Гневаются, чтобы подавить пороки; но люди спасены, и с ними обходятся так, что необходимо им быть добрыми; сколь много сделали они прежде во

вред, столь много возместят они в оставшуюся жизнь. (Всю энергию зла, которую они намотали на свое энергетическое тело, они отдадут структуре зла, и только потом субстанция души может уйти в структуру ветров.)

В дальнейшем несколько не надобно страшиться, что они скатятся к прежним своим нравам. И путники, отправляясь куда-нибудь, полагают себя в большей безопасности, если проводниками у них оказываются как раз такие рабы, которых они в каждой области тотчас меняют. И впрямь, у них нет ничего подходящего для свершения разбоя: руки без оружия, деньги - только доказательство преступления, если поймают - кара готова; никакой нет надежды куда-нибудь убежать. Как обмануть, как скрыть? Человек несколько платьем своим на других не похож; разве только уйдет он голый? Так здесь беглеца выдаст его ухо.

Наконец, может явиться опасность, что они замыслив заговор против государства. Будто может на такое надеяться какая-нибудь соседняя область, не склонив и не подбив на это прежде рабов из многих областей

У них же не только нет возможности сговориться, но им нельзя даже собраться поговорить или обменяться приветствиями. Меж тем, чтобы поверить в этот замысел, они должны бесстрашно верить своим товарищам, ибо знают, что смолчать о нем - весьма опасно, а выдать - чрезвычайно прибыльно. Напротив, ни один раб не лишен надежды, что если он будет послушен, терпелив и подаст добрую надежду на свое исправление в последующей жизни, то при этом, может статься, он когда-либо вновь обретет свободу. И в самом деле, каждый год нескольким рабам ее дают в заслугу за терпение". (Год, период длительности века. И при катаклизме тонкие энергетические структуры жителей города заменяются на новые. И в этот момент самые смиренные зачисляются, получая прощение, в число свободного народа этой планеты.)

Когда я это сказал и прибавил, что не вижу никакой причины, почему такой способ не мог быть в Англии плодотворнее той справедливости, которую так восхвалял тот самый знаток права, тогда как раз этот правовед и сказал: "Никогда этого нельзя будет учредить в Англии без того, что бы не навлекло это на государство величайшей опасности". Говоря это, он покачал головой, скривил губы и замолчал. И все, которые присутствовали, с ним согласились. Тогда кардинал сказал: "Нелегко предсказать, удачно ли сойдет дело, не произведя никакой пробы. Если же после объявления смертного приговора правитель повелит отложить казнь, то надобно будет испытать этот обычай, ограничив права убежища. Тогда-то, если по исходу дела выяснится, что оно полезно, было бы правильно закрепить его законом. Если не так, то можно будет покарать смертью тех, кто уже прежде был осужден; и то, что это произошло ныне, не окажется для государства менее полезно или менее справедливо. Опасности меж тем от этого не может случиться никакой.

Даже, мне кажется, ничего плохого нет в том, чтобы испробовать этот способ на бродягах, а то с ними мы до сих пор нисколько не продвинулись вперед, несмотря на издание многих законов".

Когда кардинал это сказал, все те, которые к моему рассказу отнеслись с презрением, наперебой стали осыпать его похвалами, особенно же за это - о бродягах, оттого что это он добавил сам от себя.

Не знаю, не лучше ли мне промолчать о том, что случилось потом. Это было смешно, однако Я расскажу: Потому что это было неплохо и имело кое-какое отношение к предмету.

Прихлебатели

Случайно тут стоял один прихлебатель, который, кажется, хотел притвориться дураком и делал это так, что у него выходило весьма правдиво.

Желая насмешить своими шутками, сам он вызывал смех чаще, чем его слова. Иногда же и у него вырывалось нечто, не вовсе нелепое, заставляющее поверить в пословицу: "Часто бросая, выбросишь как-нибудь и Венеру".

Кто-то из гостей сказал, что в своей речи я хорошо предусмотрел, как быть с ворами, кардинал позаботился о бродягах, государству же ныне осталось подумать еще о тех, кого довели до нищеты болезнь и старость, так что не способны они трудиться и зарабатывать себе на жизнь.

Прихлебатель тогда говорит: "Дозволь мне сказать. Ибо я покажу, что и это хорошо уладится. Мне очень хочется убрать такого рода людей с глаз долой. Часто они меня жестоко терзали, когда, жалуясь и вопя, требовали денег, однако же, никогда не могли они докричаться и вытянуть из меня монету. Ибо всегда случалось одно из двух: или же мне не хотелось давать, или и нельзя даже было, оттого что давать было нечего. Поэтому ныне они поумнели, ибо, когда видят, что я иду мимо, они не тратят усилий и пропускают меня молча: они ничего не надеются от меня получить; клянусь, не больше, чем, если бы я был священником. И что касается меня, то я вношу законопроект: всех этих нищих распределить и разместить по бенедиктинским монастырям и сделать их монахами-мирянами; а женщинам я велю стать монахинями".

Кардинал улыбнулся и в шутку одобрил его слова, остальные же приняли их всерьез.

Впрочем, некоего монаха-теолога это высказывание о священниках и монахах развеселило столь сильно, что он и сам начал шутить, хотя в иных

случаях был человеком серьезным, почти мрачным. "Даже и так, - сказал он, - не избавишься ты от нищих, если не подумаешь и о нас - монахах".

Монахи

Прихлебатель сказал: "Но об этом уже позаботились. Ведь кардинал наилучшим образом подумал о вас, когда решил, что бродяг надлежит задерживать и посылать работать. Ибо вы-то и есть самые главные бродяги".

Когда он это сказал, все посмотрели на кардинала, и, увидев, что тот не отрицает этого, все, за исключением монаха, с великой охотой подхватили эти слова. Он же (меня это ни сколько не удивляет), облитый таким уксусом, вознегодовал и так разгорячился, что не мог удержаться от брани. Он назвал этого человека бездельником, шептуном, порождением погибели и при этом приводил страшные угрозы из Священного Писания. А шут начал шутить всерьез и оказался здесь вполне мастером своего дела. "Не прогневайся, - говорит, - добрый брат. В Писании сказано: "В терпении вашем спасете души ваши". Брат снова (я приведу его собственные слова): "Я не гневаюсь, мошенник ты эдакий, и уж во всяком случае, не грешу. Ибо псалмопевец говорит: "Гневаясь, не согрешайте".

Затем кардинал мягко внушил, чтобы они умерили свои страсти, и монах сказал: "Нет, владыко, я говорю только как надобно, по доброй рвении. Ибо у святых людей была добрая рвения, почему и сказано: "Ревность по доме Твоем съела меня". И в церквах поют: "Елисей кого смешит, когда в храм он поспешит". Они почувствовали рвение плешивого, как, возможно, почувствует и этот насмешник, шут, сквернослов".

Кардинал сказал: "Возможно, ты поступаешь так из добрых побуждений, однако, мне кажется, ты поступил бы благочестивее и уж, конечно, разумней, если бы воздержался от смешного спора с человеком глупым и смешным".

"Нет, владыко, - сказал тот, - не поступил бы я разумней. Ибо сам Соломон премудрый говорит: "Отвечай глупому по глупости его". Подобно этому я ныне и поступаю. Я показываю ему яму, в которую он свалится, ежели хорошенько не поостережется. Ибо, если среди насмехающихся над Елисеем, который один только и был плешив, многие почувствовали рвение плешивого, то насколько же более почувствует это один человек, насмехающийся над многими монахами, среди которых много плешивых?

К тому же у нас имеется папская булла, по которой всех насмехающихся над нами надлежит отлучить от церкви".

Кардинал, увидев, что этому пререканию не будет никакого конца, кивком головы остановил прихлебателя и, удачно свернув разговор на

другое, немного погодя встал из-за стола, принялся слушать дела своих просителей, а нас отпустил.

Вот, дорогой Мор, какой длинной речью я утомил тебя. Мне было бы очень совестно говорить так долго, если бы ты не требовал этого столь пылко и если бы не казалось мне, что ты слушаешь так, словно не хочешь из этого разговора ничего упустить.

Мне, во всяком случае, надобно было рассказать все это, хотя бы и несколько сжато, из-за суждения тех, которые с моей речью не соглашались, но после того, как увидали, что кардинал отнесся к ней не без одобрения, сами все одобрили. Они так поддакивали ему и так льстили, что едва не приняли всерьез выдумку его прихлебателя, которую владыка не отверг как шутку. Теперь ты в состоянии оценить, как оценили бы придворные меня и мои советы".

"Конечно, мой Рафаэль, - говорю я, - ты доставил мне большое удовольствие: столь разумна и вместе с тем красива была твоя речь. Кроме того, во время нее мне казалось, что я не только нахожусь на родине, но даже в некотором роде пребываю в своем детстве - так приятно было вспомнить того кардинала, при дворе которого я воспитывался мальчиком. Ты не поверишь, мой Рафаэль, насколько ты мне стал дороже, оттого что ты так горячо чтить память этого чело века, хотя и вообще ты мне весьма дорог.

Однако же я никак еще не могу переменить своего мнения и продолжаю думать, что если ты убедишь себя не отвращаться от дворцов правителей, то тебе удастся принести обществу весьма много добра своими советами. Поэтому ничто не понуждает тебя к этому более чем долг честного чело века.

Ведь и твой Платон думает, что государства только тогда будут счастливы, когда царствовать станут философы или же когда цари станут философствовать. Сколь нескоро настанет это счастье, если философы не захотят даже поделиться с царями своими советами". - "Нет, - сказал он, - они не столь неблагодарны, чтобы не иметь охоты делать это, более того, многие уже поступили так, издав книги, осталось только, чтобы лица, обладающие властью, готовы были последовать благим советам. Но Платон, несомненно, хорошо предвидел, что если цари сами не станут философствовать, то, с детства - полностью пропитавшись и заразившись превратными мнениями, они никогда не одобряют советов философов; он сам испытал это у Дионисия.

Ты полагаешь, что, если бы я предложил кому-нибудь из королей здравые установления и попытался уничтожить гибельные семена зла, они не сочли бы, что меня надобно тут же изгнать из государства или подвергнуть осмеянию?

Давай-ка, представь, что я нахожусь у короля Галльского и сижу в его Совете в то время, когда в секретнейшем месте под председательством этого самого короля, в кругу умнейших людей с великим старанием обсуждается, какими способами или ухищрениями удержать Медиолан, как поворотить к себе беглый Неаполь, затем разорить венетов и подчинить всю Италию, потом покорить Фландрию, Брабант, наконец, всю Бургундию и, кроме того, другие народы, на королевства которых он уже давно собирается напасть.

Один тут советует заключить с венетами мир, который продлится до тех пор, пока это будет удобно королю, а также известить венетов о своих намерениях и оставить у них некоторую часть добычи, а потом, после того как все сойдет, как задумано, потребовать ее назад.

Другой советует нанять германцев, третий - задобрить деньгами гелветов, четвертый говорит, что золотом, словно жертвой, надобно обратить императорское величество к милости.

Пока одному кажется, что надобно уладить дело с королем Арагонским и для обеспечения мира уступить чужое королевство Наваррское, другой меж тем считает, что государя Кастильского следует окутать какой-нибудь надеждой породниться и за определенную мзду перетянуть несколько его знатных приближенных на свою сторону.

Тут завязывается самый главный узел: что тем временем решить об Англии? Впрочем, надо вести переговоры о мире, скрепить наипрочнейшими связями всегда непрочный союз, называть англичан друзьями, но понимать, что они недруги.

По этой причине надобно иметь наготове, как на страже, на всякий случай скотов и выпустить их против англичан, лишь только те двинутся. Для этого надобно призвать тайно какого-нибудь знатного изгнанника (сделать это открыто мешают договоры), и он заявит, что это королевство должно принадлежать ему; таким образом можно будет сдержать подозрительного для нас правителя.

И здесь, говорю я, при таком напряжении, когда столько выдающихся мужей будут наперебой предлагать свои советы, как вести войну, встану я - незаметный человек и прикажу повернуть паруса, предложу оставить Италию, скажу, что надобно оставаться дома, что одно только Галльское королевство почти что так велико, что им не в силах успешно управлять одному человеку, скажу, чтобы король не помышлял о других приобретениях.

Затем я бы предложил им установления ахорийцев - народа, живущего к юго-востоку от острова утопийцев; они давным-давно вели войну, чтобы добыть своему королю другое королевство, которое, как он настаивал,

должно было принадлежать ему по наследству и по причине старинного свойства. Добыв его, они, наконец, увидели, что удержать им это королевство теперь не менее трудно, чем трудно было им его домогаться. Среди покоренных все время прорастали семена внутреннего недовольства, или же этой стране грозили вторжения извне. И всегда надобно было воевать либо за новых подданных, либо против них: никогда не было возможности распустить войско.

Меж тем ахорийцы грабили сами себя, вывозили деньги, проливали свою кровь за чужую ничтожную славу, и мир от этого не становился крепче; дома у них нравы были развращены войной люди пристрастились к разбою, убийства укрепили их безрассудство, законы они презирали, и все происходило оттого, что король, распространяя свою заботу на два королевства, мало мог печься о каждом из них. Когда они увидели, что этим бедам не будет никакого конца, сошлись они, наконец, на совет и самым учтивым образом предложили своему королю выбрать для владения из двух царств одно, какое он хочет.

Ибо на второе не достанет у него власти, так как ахорийское царство так велико, что с ним не управится король, поделенный надвое.

По своей воле никто не согласится на то, чтобы даже погонщика мулов разделить с кем-то еще. Так этот добрый правитель был вынужден удовольствоваться старым царством, оставив новое царство кому-то из друзей (которого вскоре после этого тоже изгнали).

Советники

Кроме того, если бы я показал королю, что все эти попытки воевать, которые ради него ввергнут в смятение столько племен, истощат его казну, разорят народ и, наконец, несмотря на все, по какой-нибудь случайности окажутся напрасны, если бы я предложил ему печься о его собственном королевстве, завещанном ему дедами, украшать его, сколько он может, добиваться его наивысшего расцвета, а также любить своих подданных и быть любимым ими, жить с ними единой жизнью, повелевать ими мягко, оставить в покое другие государства, раз то, которое выпало ему на долю, более чем достаточно велико, - ты полагаешь, мой Мор, как стали бы они слушать такую речь?"

"Конечно, не слишком благосклонно", - сказал я.

"Значит, - говорит он, - пойдем дальше. Если советники какого-либо короля обсуждают и придумывают, каким способом можно обогатить его казну, то один советует поднять стоимость монеты, когда надобно платить самим, и опустить ее снова ниже положенного, когда надо будет

взыскивать деньги, - так они выплатят много, потратив малое количество денег, и за малое количество приобретут многое.

Другой предлагает притвориться, что будет война, и, собрав под этим предлогом деньги, торжественно заключить мир и тем самым создать в глазах простонародья видимость, что вот, мол, благочестивый правитель пожалел человеческую кровь.

Третий подкидывает ему мысль о каких-то старинных, изъеденных червями законах, устаревших от долгого неприменения; оттого что никто не помнит об их издании, все их преступают, а за это, следовательно, он может приказать взимать штраф. И нет дохода прибыльнее, и нет почетнее, потому что у этого будет личина справедливости.

Следующий предлагает запретить многое, назначив большие штрафы; особенно за то, что не идет на благо народа. Потом можно поделиться деньгами с теми, чьей выгоде препятствует этот указ. Так можно снискать милость народа и обрести двойную выгоду: во-первых, штрафуют тех, кого заманило в тенета стремление к наживе; во-вторых, когда продают привилегии, то, конечно, они стоят тем дороже, чем лучше правитель, который с трудом уступает что-нибудь какому-нибудь частному лицу, если это невыгодно народу, и делает он это только разве что за большую плату.

Другой убеждает короля в том, что надобно привязать к себе судей, дабы любое дело решали они в его пользу. Кроме того, судей надобно звать во дворец и приглашать, чтобы рассуждали они о делах в его присутствии, так, чтобы ни одно его дело не было открыто признано настолько несправедливым, чтобы кто-нибудь из судей, из желания ли противоречить, или из стыда сказать то же самое, или же чтобы войти в милость, не отыскал бы при нем какой-нибудь щели, через которую можно было бы протащить другое толкование.

Так, при разногласии судей принимаются обсуждать наияснейшее само по себе дело, истину ставят под вопрос и дают королю удобный повод истолковать закон, как ему угодно.

Прочие присоединяются то ли от стыда, то ли от страха, поэтому суд потом бестрепетно выносит приговор. Ведь не может не найтись причины выступить за правителя. Ибо достаточно, чтобы на его стороне была справедливость, или же буква закона, или запутанный смысл написанного, или, наконец, то, что у совестливых судей перевешивает все законы, - неоспоримая прерогатива правителя.

Все эти советники согласны и единодушны вот с каким решением Красса: "Никакого количества золота недостаточно правителю, которому надобно кормить войско".

Кроме того, король, даже если он очень хочет, никак не может поступать несправедливо. Оттого что владеет он всем у всех, даже самими людьми, и каждый имеет столько, сколько не отняла у него королевская милость; правителю весьма важно, чтобы этой собственности было возможно

меньше; правителю тогда лучше, ибо опора его заключается в том, чтобы народ не распустился от богатства и свободы, ибо в противном случае люди станут менее терпеливо сносить суровые и несправедливые распоряжения, тогда как нищета и бедность отупляют разум, делают людей терпеливыми, лишают придавленных благородного мятежного духа.

Нищие и Богатые

Если здесь встану я снова и заспорю, что все эти советы королю бесчестны и губительны, ибо не только его честь, но и безопасность заключаются более в богатстве народа, чем в его собственном?!

Если покажу я, что они выбирают короля для себя, а не для короля, как раз для того, чтобы с помощью труда его и стараний самим жить в спокойствии и безопасности от несправедливости?! И на правителе лежат скорее заботы о благе народа, чем о его собственном благе, подобно тому, как долг пастыря, коль скоро он овчар, состоит в том, чтобы лучше пасти овец, чем себя!

Если они считают, что бедность народа сохраняет мир, то из самого этого явствует, что они глубочайшим образом заблуждаются. И впрямь, где найдешь ты больше ссор, чем у нищих? Кто настойчивее стремится к переворотам, чем те, кому менее всего нравится теггерейцный уклад жизни? У кого, наконец, менее обуздан порыв привести все в смятение в надежде как-нибудь поживиться, как не у того, кому уже нечего терять?

Ибо если какого-либо царя его подданные презирают и ненавидят до такой степени, что он не может их удержать в повиновении иначе как бранью, грабежом и конфискацией имущества, доводя их до нищенства, то, конечно, лучше ему отречься от царства, чем удерживать свое царство такими способами, при которых он, хотя и удерживает имя властелина, однако, разумеется, утрачивает величие.

Ведь царское достоинство заключается не в том, чтобы выказывать свою власть над нищими, а скорее уж - над счастливыми. Об этом, наверно, и думал Фабриций - человек выдающегося и возвышенного духа, когда ответил, что он предпочитает управлять богатыми, чем быть богатым самому.

И, конечно, когда один утопает в удовольствиях и наслаждениях, а другие повсюду стонут и рыдают, это значит быть стражем не королевства, а узилища.

Наконец, подобно тому, как совершеннейшим невеждой будет врач, который не умеет лечить болезнь иначе как тоже болезнью, так и тот, кто не знает, каким способом исправить жизнь сограждан, кроме как лишая их жизненных благ, должен признаться, что он не умеет править свободными

людьми. И пусть он лучше одолеет свою вялость и высокомерие. Ибо из-за этих его пороков получается, что народ его презирает или ненавидит.

Пусть живет он за свой счет, ни кому не вредя, соразмеряет траты и доходы, пусть обуздывает злодеяния, пусть лучше предупреждает он их верным наставлением подданных своих, чем позволяет им разрастись, дабы потом за них карать. Пусть не возобновляет он законы, не зря упраздненные обычаем, особенно те, которые давно заброшены и никогда не были желательны. Пусть никогда никто под видом штрафа не возьмет ничего, что судья не позволил бы взять ни одному из частных лиц, как полученное несправедливо и плутнями.

Гармония

Если бы я мог здесь предложить закон макарийцев, которые тоже живут не слишком далеко от Утопии!

Их король в первый же день вступления на престол после свершения жертвоприношений дает клятву, что у него в казне никогда одновременно не будет больше тысячи фунтов золота или количества серебра, равного по цене этому золоту. Говорят, что этот закон установил один прекраснейший король, который больше пекся о благе отечества, чем о собственном богатстве; этот закон должен был затруднить такое накопление денег, которое вызвало бы недостаток в них у народа. И впрямь король видел, что этой суммы хватит, если надобно будет ему самому бороться с бунтовщиками или же его королевству-с нашествием врагов. Однако эта сумма слишком мала, чтобы можно было настроить умы на вторжение в чужие владения. Это и было наиглавнейшей причиной введения закона. Другой, полагал он, было предупреждение о том, чтобы хватало денег, которые повседневно обращались среди граждан. Он считал, что так как король обязан выплачивать все, что в казнеросло сверх установленной меры, то он не станет отыскивать повода для несправедливости.

Такой король будет страшен злодеям, но его любят добропорядочные граждане. (Мор упоминает законы жизни каждой из 1/6 части Вселенной, которые разделены на 1000 волн, где черная дыра - бунтовщики, а

нашествие - взаимодействие с соседними галактиками. Мир, ведущий Вселенную, живет в любви и гармонии.)

Философия

Итак, если это или подобное этому выложу я людям, весьма склонным к противоположному образу мыслей, не получится ли, что я рассказываю басни глухим?".

"Несомненно, - говорю я, - даже очень глухим. Честное слово, меня не удивляет и, правду сказать, мне не кажется, что надобно вести такого рода речи, давать такие советы, которых, как ты уверен, никогда не примут. Ведь какая может быть польза или каким образом столь необычная речь может дойти до сердца тех, души которых полностью захватило и заняло противоположное убеждение? Среди близких людей в домашней беседе эта схоластическая философия может оказаться приятной. Однако на советах правителей, где обсуждаются великие дела великой важности, ей нет места".

Он сказал: "Это то самое, что я говорил: у государей нет места для философии". - "Конечно, - говорю я, - это правильно; не для той схоластической философии и, которая полагает, что все, что угодно, подходит, где угодно. Но есть и другая философия, более пригодная для гражданина; она знает свое поприще и, приноравливаясь к нему, искусно и пристойно ведет роли в той пьесе, которая у нее в руках. Такую-то философию и надобно тебе применять. Ведь когда играют какую-нибудь комедию Плавта, где домашние рабы шутят между собой, а ты выйдешь на проскений в одежде философа и начнешь читать из "Октавии" то место, в котором Сенека рассуждает с Нероном, то разве не предпочтительнее было бы тебе представлять лицо без слов, чем устраивать такую трагикомедию, читая что-то неподходящее? Потому что ты испортишь и исказишь идущую пьесу, если подмешаешь к ней другое, даже когда то, что ты добавляешь, само по себе очень хорошо. Играй как можно лучше ту пьесу, которая у тебя в руках, и не вноси в нее путаницы всем тем, что тебе пришло на ум из другой пьесы, которая даже забавнее.

Так в государстве, так и на советах у правителей. Если нельзя вырвать с корнем ложные мнения, если не в силах ты по убеждению души своей излечить давно укоренившиеся пороки, то все-таки не надо из-за этого покидать государство, подобно тому, как в бурю не надобно оставлять корабль, хотя и не в силах ты унять ветер. И не надо никому вдалбливать непривычное и необычное рассуждение, которое, сам знаешь, не будет иметь никакого веса у тех, кто думает обратное.

Но следует тебе пытаться идти окольным путем и стараться по мере сил выполнить все удачно. То же, что не в силах ты обернуть на благо, сделай, по крайней мере, наименьшим злом. Ибо нельзя устроить, чтобы все было хорошо, раз не все люди хороши; не жду я и того, что это произойдет в течение нескольких лет".

Приспособить нравы

"Из этого, - говорит он, - не получится ничего, кроме того, что, стремясь излечить от бешенства других, я сам вместе с ними утрачу разум. Ибо если я желаю говорить правду, то мне и необходимо ее говорить. Впрочем, не знаю, приличествует ли философу говорить ложь, но это не для меня.

Хотя эта моя речь, возможно, будет неприятна и тяжела для них, я не вижу, однако, почему она должна казаться до нелепости необычной. Оттого что если бы я говорил то, что изображает Платон в своем "Государстве", или то, что делают утопийцы в своем, тогда, хотя все это - как, разумеется, оно и есть - очень хорошо, однако это может показаться чуждым, потому что здесь у отдельных людей имеется частная собственность, а там все общее.

Тот, кто предостерегает от опасностей и указывает на них, не может быть приятен тем, кто, направляясь по противоположному пути, решил уничтожить вместе с собой и других. Моя же речь, иными словами, что в ней было такого, чего не говорили бы повсюду, чего не подобало бы говорить?

Действительно, если надобно опускать как необычное и нелепое все, что извращенные нравы людей сделали таковым, чтобы могло оно казаться чуждым, то и от христиан надлежит нам скрывать почти все, чему учил Христос. Он, однако же, не только запретил это скрывать, но повелел открыто, на крышах проповедовать то, что сам прошептал им на ухо. Очень большая часть его слов гораздо более чужда нравам людей, чем то, что содержалось в моей речи. Разве только проповедники, люди хитрые, полагаю, последовали твоему совету и, узнав, как тяжело людям приспособить свои нравы к требованию Христа, приладили Его учение к людским нравам, словно линейку из мягкого свинца, чтобы, по крайней мере, хоть как-то соединить их.

Тем самым, я вижу, они не достигли ничего, кроме того, что дурным людям оказалось возможно быть беспечнее; сам я, давая советы правителям, конечно, добился бы того же. Ибо, стань я думать обратное (а это означало бы, что я вообще ни о чем не думаю) или думай я то же самое, во всех случаях, как говорит у Теренция Микион, я был бы пособником их безумия. Ибо я не вижу, для чего этот твой окольный путь, по которому, полагаешь ты, надобно идти, и в случае невозможности сделать все благим,

постараться наиболее удачно повернуть это и обратить в наименьшее зло. Оттого что нет там места для притворства и нельзя закрывать глаза; надобно открыто одобрять наихудшие советы и подписывать наигубительнейшие указы.

Мудрость

Бесчестно даже хоть сколько-нибудь хвалить дурные установления, это достойно лазутчика и почти что предателя.

Более того, оказавшись среди таких сотоварищей, которым легче испортить самого лучшего человека, чем исправиться самим, ты не встретишь ничего, в чем бы ты мог оказаться хоть сколько-нибудь полезен. Тебя развратит их порочная жизнь, или же, пребывая невинным и непорочным, ты станешь покрывать чужую злобу и глупость. Очень далеко от того, чтобы на этом самом окольном пути можно было бы повернуть к лучшему. Поэтому Платон в прекраснейшем своем сравнении показывает, что мудрецам с полным основанием должно воздерживаться от управления государством. Ибо они видят, что народ высыпал на улицы и мокнет под непрекращающимся ливнем, но не в силах убедить людей укрыться от дождя и стать под крышу. Они знают, что если сами выйдут, то ничего не добьются, а только вымокнут все вместе; они пребывают в доме, полагая достаточным, что если не могут они излечить чужую глупость, то по крайней мере сами целы. Хотя, конечно, мой Мор (если сказать тебе по правде, что у меня на душе), мне кажется, повсюду, где есть частная собственность, где все измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо. Разве что ты сочтешь справедливым, когда все самое лучшее достается самым плохим людям, или считаешь удачным, когда все распределяется между совсем немногими, да и они живут отнюдь не благополучно, а прочие же вовсе несчастны.

Поэтому я наедине с самим собой обсуждаю мудрейшие и святейшие установления утопийцев, которые весьма успешно управляют государством с помощью весьма малочисленных законов; и добродетель там в цене, и при равенстве всем всего хватает. С другой стороны, я сравниваю с их нравами великое множество других народов, постоянно все упорядочивающих и никогда не имеющих достаточного порядка; у них повсюду каждый называет своей собственностью то, что он найдет; законов, издающихся каждый день, там недостаточно для того, чтобы им подчинялись, чтобы они могли кого-нибудь защитить или достаточно четко отделить от чужого то, что кто-то называет своей собственностью. Это

легко подтверждают бесконечно и неизменно там появляющиеся, но никогда не кончающиеся раздоры.

Когда говорю, размышляю я об этом наедине с собой, то становлюсь справедливее к Платону и менее удивляюсь, что он счел для себя недостойным вводить какие - либо законы для тех людей, которые отвергли уложения, распределяющие все блага поровну на всех. Ибо этот наимудрейший человек легко увидел наперед, что для общественного благополучия имеется один-единственный путь - объявить во всем равенство. Не знаю, можно ли это соблюдать там, где у каждого есть своя собственность. Оттого что когда кто-нибудь, основываясь на определенном праве, присваивает себе, сколько может, то, как бы ни было велико богатство, его целиком делят между собой немногие.

Остальным же оставляют они в удел бедность; и почти всегда бывает, что одни гораздо более достойны участи других, ибо первые - хищные, бесчестные и ни на что не годятся, вторые же, напротив, - мужи скромные, простые, и повседневным усердием своим они приносят обществу добра более чем самим себе.

Собственность – зло

Поэтому я полностью убежден, что распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность. Если же она останется, то у наибольшей и самой лучшей части людей навсегда останется страх, а также неизбежное бремя нищеты и забот. Я признаю, что его можно несколько облегчить, однако настаиваю, что полностью устранить этот страх невозможно.

Конечно, если установить, чтобы ни у кого не было земли свыше назначенной нормы, и если у каждого сумма денег будет определена законом, если какие-нибудь законы будут остерегать короля от чрезмерной власти, а народ - от чрезмерной дерзости; чтобы должности не выпрашивались, чтобы не давались они за мзду, чтобы не надо было непременно за них платить, иначе найдется повод возместить эти деньги обманом и грабежами, явится необходимость исполнять эти обязанности людям богатым, меж тем как гораздо лучше управлялись бы с ними люди умные. Такие, говорю, законы могут облегчить и смягчить эти беды, подобно тому, как постоянными припарками обыкновенно подкрепляют немощное тело безнадежно больного.

Однако, пока есть у каждого своя собственность, нет вовсе никакой надежды излечиться и воротить свое здоровье. И пока ты печешься о благополучии одной части тела, ты растравляешь рану в других. Так

попеременно из лечения одного рождается болезнь другого, оттого что ничего невозможно прибавить одному, не отняв этого же у другого".

Загадки Утопии

А мне, - говорю, - кажется, напротив: никогда не будет возможно жить благополучно там, где все общее. Ибо как получится всего вдоволь, если каждый станет увертываться от труда? Ведь у него нет расчета на собственную выгоду, а уверенность в чужом усердии сделает его ленивым. А когда будет подстрекать нужда и никакой закон не сможет оборонить того, что добыл себе каждый, не станут ли люди неизбежно страдать от постоянных убийств и мятежей? Особенно, если уничтожены будут власть должностных лиц и почтение к ним; станут ли с этим считаться те люди, для которых ни в чем нет никакой разницы, - этого я не могу себе даже представить".

"Меня не удивляет, - говорит он, - что тебе так кажется, ибо ты не представляешь себе дела или же представляешь его ошибочно. Вот если бы ты побывал со мной в Утопии и увидел, будучи там, их нравы и установления, как это сделал я, который прожил там более пяти лет и никогда не пожелал бы оттуда уехать, если бы не захотел рассказать об этом новом мире, ты бы, конечно, признал, что нигде больше не видал ты никогда народа, который имеет столь правильные устои" - "Конечно, - говорит Петр Эгидий, - тебе трудно будет убедить меня в том, что народ с лучшими устоями находится в новом мире, а не в этом, который нам известен. Ведь и в нем умы не хуже, и государства, думаю, древнее, чем в том мире, и долгий опыт научил нас многим удобствам в жизни; не стану упоминать о некоторых наших случайных находках, для измышления которых не могло бы достать никакого ума".

"Что касается древности их государств, - говорит Рафаэль, - то ты рассудил бы правильнее, если бы прочитал историю их мира. Если должно ей верить, то города у них существовали еще до того, как у нас появились люди. Далее, то, что до сих пор изобрел человеческий ум или же что нашли случайно, могло появиться и там, и здесь. Впрочем, я определенно полагаю, что умом мы их превосходим. Однако усердием и рвением своим они оставляют нас далеко позади себя. Ибо, как говорят их хроники, до того, как мы туда причалили, они никогда ничего не слыхали о наших делах. Зовут они нас "живущими по ту сторону равенства". Хотя некогда, более тысячи двухсот лет назад у острова Утопия погиб от кораблекрушения какой-то корабль, который занесло туда бурей. На берег были выброшены какие-то римляне, а также египтяне, которые после никогда оттуда не ушли.

Посмотри, сколь удачно воспользовалось этим случаем рвение утопийцев! В Римской империи не оказалось ничего, в чем могла быть для них какая-нибудь польза и чему бы они ни выучились от выброшенных к ним чужестранцев. Или же, получив лишь намек для разыскания, открывали они все сами, столь благодетельным оказалось для них то, что однажды к ним от нас попало несколько человек. Если же ранее какой-нибудь подобный случаи пригонял кого-нибудь оттуда сюда, то это забылось, как замятуют, вероятно, потомки и то, что я был там когда-то. И насколько они тотчас, после одной лишь встречи, усвоили все, что мы ловко придумали, настолько, полагаю я, долго еще мы не перейдем тех установлений, которые лучше наших.

Думаю, что для этого главным образом существует одна причина: то, что, хотя ни ум, ни средства у нас не хуже, чем у них, государство их, однако, управляется разумнее нашего и процветает весьма счастливо

"Поэтому, - говорю я, - мой Рафаэль, прошу тебя и умоляю, опиши нам этот остров. И не стремись быть кратким, но расскажи по порядку про земли его, реки, города, людей, нравы, установления, законы и, наконец, про все, о чем сам пожелаешь, чтобы мы узнали. И ты должен понять, что нам желательно знать все, о чем до сих пор мы не ведали".

"Нет ничего, что бы я сделал охотнее, - говорит он. - Ибо я все хорошо помню. Однако это дело требует времени".

"Тогда, - говорю я, - пойдем пообедаем, потом подумаем, как выбрать время". - "Ладно", - говорит он. Так мы пошли обедать.

Пообедав, мы вернулись на то же место, сели на ту же скамью, и, приказав слугам, чтобы нам никто не мешал, мы с Петром Эгидием уговорили Рафаэля исполнить то, что он пообещал. Он же, когда увидел, что мы готовы и очень хотим слушать, посидев немного в молчании и раздумьи, начал таким образом.

Тебе, философ!

Пытаясь заглянуть в миры небесных ожиданий,
Взгляни умом философа на свой!
Пороков скопищем, скитаний и страданий
Наполнился дом ненаглядный мой!

Какие силы нам приносят беды?
Мы не пытаемся понять и устранить.
Заснул наш разум, позади победы.

Поможет философия завесу приоткрыть!

С улыбкой принимать ее привыкли:
Фантазии и бреда, мол, сестра!
Умы светлейшие для нас уже поникли,
Но пробудитесь! Мир наш у Креста!

Прошел уж век желаний и исканий,
Мы Боги - нам сказал Отец!
Но все пройдем мы через крест страданий,
Так одевается всем Вечности Венец!

Пред шагом этим, в мир грядущий
Раскроем драгоценные лари!
Пророков дивных глас зовущий,
Философов, несущих свет Зари!

Заключение.

Первая книга "Утопии" не требует пояснений. Читая, мы видим во всей красе наш современный мир, несмотря на то, что писалась она почти пятьсот лет назад. Все осталось без изменений. Извечная борьба за ничтожный прах.

"Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - все суета!"

Не увенчалась успехом попытка создать государство, подобное Утопии. Несбыточным остался наш Коммунизм. Но мы попробовали и практически подтвердили слова философа: Там где есть собственность, всегда будет неравенство, которое рождает вражду и зло.

Но Утопия существует, утверждает автор.

Да! Существует, доказывает наше Знание! Это мир Вечности, мир Света! Дом, город, остров, государство...- это все для человека создал Господь.

Томас Мор описывает жизнь утопийцев. Мы постараемся указать, в какой части Вселенной или планеты это происходит и по каким законам.

Я часто говорю "мы", это так и есть. Все герои книг участвуют в создании этого сериала. Это скорее похоже на съемки фильма. Действующие лица - одна дружная семья, все стараются мне помочь и приласкать. Для них я Оиула - девчушка, которую нужно любить, оберегать и учить. С ними и я теряю свой возраст и становлюсь юной. Свои года я чувствую, только смотрясь в зеркало.

В отзывах о книгах есть такой укор: что Оид из высокого уровня, а речь его простая. Оид - любящий отец. Как нежный отец разговаривает со своими детьми?

Спесь и высокомерие есть в нашем недалеком мире. Мир вечности дышит любовью, нежностью и красотой. Нет там напыщенных "товарищей или «господ". Чем выше, тем нежнее - как любящий дедушка.

Для меня этот мир открылся и он неоспорим.

Все свои старания я прикладываю для того, чтобы преподнести его вам, описав как можно точнее и объемнее. Это очень трудно. Наш мир проще, и бледнее его краски. Дать полное описание, сопоставляя с чем - то, просто невозможно.

Приглашаем вас в путешествие по загадочной Утопии!

Л. Рыбалко.